

Когнитивные исследования Cognitive research

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21

УДК [811.161.1:811.113.6]373:165:82.09

Научная статья / Research article

Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языков)

А.С. Алёшин¹, Е.И. Зиновьева²

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»
проспект Большевиков, д. 22, корп. 1, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 193232

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
Университетская набережная, д. 11, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034

¹alexis001@mail.ru

²e.i.zinovieva@spbu.ru

В статье рассматривается лингвокогнитивный потенциал устойчивых выражений компаративной структуры на материале двух языков. Новизна исследования заключается в совместном рассмотрении двух групп фразеологизмов (устойчивых сравнений и паремий, эксплицитно или имплицитно вербализующих сравнение) и выявлении сходств и различий как между этими группами в каждом языке, так и отдельно устойчивых сравнений и паремий в русском и шведском языках. Объектом изучения послужили русские и шведские устойчивые сравнения, характеризующие умного и глупого человека, а также паремии компаративной структуры, выражающие оппозицию «ум — глупость». Целью исследования явилось выявление общих и национально-культурно обусловленных ментальных установок и эталонов сравнения. Источниками материала послужили словари русских устойчивых сравнений, сборник пословиц В.И. Даля, фразеологический словарь шведского языка и словари пословиц шведского языка. Приводится тематическая классификация эталонов устойчивых сравнений обоих языков с основаниями «глупый» и «умный». Выделяются структурные модели паремий тематической группы «ум — глупость», выражающих сравнение в обоих языках, описываются ментальные установки, вербализуемые этими единицами. В результате анализа делаются выводы о том, что в русском языке обнаруживается более тесная связь устойчивых сравнений и компаративных паремий, чем в шведском. В устойчивых сравнениях обоих язы-

© Алёшин А.С., Зиновьева Е.И., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ков преобладающей тематической группой эталонов являются зоонимы, различия заключаются в наличии в русских единицах эталонов, относящихся к хозяйственно-бытовой сфере и мифологемам. Шведские компаративные паремии структурно отличаются от русских. В русских паремиях выражаются идеи о том, что слишком прямой и простой человек глуп, глупый человек подобен ребенку, глупого от природы человека учить бесполезно, а в шведских выражается логико-философское сопоставление ума и глупости. В качестве национально-специфичных компонентов паремий в русском языке выступает обширный пласт хозяйственно-бытовой лексики, а в шведском языке — наименования старинных мер веса.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, паремия, эталон, ментальная установка, лингвокогнитивный аспект, компаративная структура

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2019

Дата приема в печать: 15.01.2020

Для цитирования:

Алёшин А.С., Зиновьева Е.И. Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 1. С. 7—21. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21

UDK [811.161.1:811.113.6]373:165:82.09

A Cognitive Linguistic Study of Comparative Set Phrases in Russian and Swedish

Alexey S. Alyoshin¹, Elena I. Zinovieva²

¹Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
“The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications”
prospect Bolshevikov, 22, bld. 1, St. Petersburg, Russian Federation, 193232

²Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State University”
11, University Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

¹alexis001@mail.ru

²e.i.zinovieva@spbu.ru

This paper examines the linguistic-cognitive potential of comparative set phrases based on the material of two languages. The originality of the study lies in the consideration of two groups of phraseological units (fixed comparisons and paremiias that explicitly or implicitly verbalize comparisons) and the identification of similarities and differences both between these groups in each language and individually between Russian and Swedish. The object of study was Russian and Swedish fixed comparisons characterizing a smart and stupid person, as well as comparative paremia, expressing the opposition ‘intelligence-stupidity’. The aim of the study was to identify common and culturally conditioned mental attitudes and standards of comparison. The sources of material for study included dictionaries of Russian fixed comparisons, Vladimir Dal’s collection of proverbs, a phraseological dictionary of the Swedish language and dictionaries of Swedish proverbs. A thematic classification is offered of the standards of fixed comparisons with the bases ‘stupid’ and ‘smart’ in both languages. Structural models of the paremiias of the thematic group ‘intelligence-stupidity’, expressing a comparison in both languages, are highlighted; mental attitudes verbalized by these units are described. The study found that the Russian language has a closer relationship between units within set comparisons and comparative paremiias than in Swedish. In both languages, zoonyms are the predominant thematic group of standards. The differences include the presence in the Russian units of standards related to the household sphere and mythologems. Swedish comparative paremiias

are structurally different from Russian ones. While Russian paremiads express the ideas that an excessively direct and simple person is stupid; a stupid person is like a child; and it is useless to teach a person stupid by nature, Swedish units offer a logical and philosophical comparison of intelligence and stupidity. The culture-specific components of Russian paremiads include a large body of household vocabulary while words denoting old measures of weight serve the same function in Swedish.

Key words: fixed comparison, paremia, standard of comparison, mental attitude, cognitive linguistic aspect, comparative structure

Article history:

Received: 01.12.2019

Accepted: 15.01.2020

For citation:

Alyoshin A.S. & Zinovieva E.I. (2020). A Cognitive Linguistic Study of Comparative Set Phrases in Russian and Swedish. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 7—21. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21

Введение

Под устойчивыми выражениями в данной статье понимаются воспроизводимые сочетания двух и более знаменательных или служебных слов номинативного или коммуникативного характера, обладающие семантической и структурной стабильностью. Устойчивыми выражениями компаративной структуры являются два разряда подобных единиц: компаративные фразеологизмы (или «устойчивые сравнения» в терминологии отечественной лингвистики) и определенные группы паремий. Устойчивые сравнения (далее — УС), безусловно, составляют ядро рассматриваемого объединения, поскольку модель их построения является эксплицитно компаративной у всего разряда данных единиц: логическая формула сравнения имеет следующий вид: А — С — В, где А — субъект сравнения (то, что сравнивается), В — объект сравнения (то, с чем сравнивается), С — основание (признак) сравнения. Конкретные языковые реализации логической модели компарации также свидетельствуют о наличии формальной и семантической регулярности в построении УС. Ср. сходство следующих УС, обусловленное денотативной ситуацией, одинаково подмеченной разноязычными народами: швед. *darra som ett asplöv*, рус. *дрожать как осиновый лист*, болгар. *треперя като <есенен> лист*, чеш. *trese se jako osikovy list*, англ. *quake (quiver, shake, tremble) like aspen leaf*, нем. *zittern wie Espenlaub*, ит. *tremare come una foglia*, исп. *temblar como una hoja (la hoja de un arbol)*, фр. *trembler comme la (une) feuille* [примеры из 1. С. 56].

Сравнение — это образное средство языка. Его «сущность состоит в сопоставлении двух или нескольких предметов, явлений, действий, имеющих близкие признаки» [2. С. 5]. Образность и яркость «позволяет предпочесть экономное и точное сравнение длинному и расплывчатому описанию» [3. С. 3]. По В.Н. Телия, устойчивые сравнения — это система образных эталонов [4. С. 241—242]. Э. Шёльдберг применительно к устойчивым сравнениям использует термин «конвенциализированные сравнения», понимая под ними относительно фиксированные многословные сочетания, принятые в определенной языковой общности, которые используются для того, чтобы

эксплицитно выразить сравнение между двумя областями. Сравнение между этими двумя областями осуществляется в шведском языке при помощи сравнительного союза *som*. Этим сравнение отличается от метафоры, где сравнение выражено имплицитно [5. С. 363].

В данном исследовании мы рассматриваем устойчивое сравнение, прежде всего, как устойчивое сочетание, представляющее собой образное средство языка (фигуру речи), которое «обычно является результатом многовекового употребления» [6. С. 4—5], один из способов оценки и осмысления окружающей нас действительности, основанный «на сопоставлении двух предметов или явлений для более точного, образного описания одного из них» [7. С. 229]. И поскольку через сравнение передается оценка, отношение к тому или иному предмету или явлению, оно обладает экспрессивностью. Следует также добавить, что устойчивые сравнения, как и другие образные средства языка, основаны на ассоциациях и образном видении окружающей действительности.

УС свойственны следующие 4 признака фразеологизма из выделенных В.М. Мокиенко [8. С. 1]: 1) *воспроизводимость* — «это регулярная повторяемость, возобновляемость в речи языковых единиц разной степени сложности, т.е. неоднородных, разнокачественных образов» [9. С. 5]. УС воспроизводимы из поколения в поколение. 2) *Устойчивость* — «относительно стабильное употребление сочетания слов». Компонентный состав УС относительно стабилен. 3) *Экспрессивность*. Экспрессивность УС — их имманентное свойство, вследствие чего они функционируют в языке именно как единицы, выполняющие прагматическую функцию, то есть функцию речевого воздействия на адресата речи. Это воздействие влияет на формирование ценностных представлений о предмете речи, формирует знание об условиях речи (ее «стиле»). 4) *Раздельнооформленность*.

Что касается паремий, то их лингвистический статус является еще более дискуссионным, чем статус УС. Актуальность этой темы в современном языкознании обусловлена «возможностью самого широкого взгляда на определение паремии — от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста» [10. С. 9]. Современными исследователями паремии рассматриваются как часть фразеологии в культурологическом, системно-структурном и когнитивно-прагматическом аспектах [11. С. 36]. Пословицы, по мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, — это «фразеологизмы со структурой предложения» [12. С. 69]. По образному выражению М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко, пословица — это упаковка опыта [11. С. 36]. М.А. Бредис выделяет такие признаки пословицы, как *общеупотребительность, традиционность, обобщающий характер, поучительность, афористичность, диалогичность* [13. С. 76—83]. Если пословица — это всегда суждение, обобщенная модель типовой ситуации, то поговорка — это выражение, применимое к конкретному случаю, факту, это выражение оценочно. Поговорки некоторыми исследователями относятся к идиомам [например, 14. С. 5].

Таким образом, и УС, и паремии можно отнести к фразеологизмам в широком понимании термина, что позволяет рассматривать эти языковые единицы вместе.

Паремии могут иметь эксплицитно и имплицитно выраженные признаки сравнения. Эксплицитно выраженная компаративная структура паремий вербализуется за счет союзов *как, что* в русском языке и союза *som* в шведском языке, за счет включения в состав единиц прилагательных и наречий в сравнительной степени, усилительных предлогов в обоих языках [см. подробнее 15].

В шведской и, шире, скандинавской лингвистике пословицы все чаще становятся объектом внимания в современных фразеологических исследованиях. Из актуальных работ, посвященных общим вопросам скандинавской паремиологии, а также истории шведской паремиографии, можно назвать исследования Э. Шёльдберг, Д. Андерссона, П. Хакамиеса, Х. Харальдссона и К. Жукова [16; 17; 18; 19; 20].

Одним из актуальных направлений современных фразеологических исследований является сопоставительное [например, 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32]. Сопоставительный аспект изучения фразеологизмов предполагает выявление общего и национально-культурно обусловленного в единицах разных языков. Результативными в этих целях, на наш взгляд, являются лингвокогнитивные исследования, которые обращаются «к языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [33. С. 11]. В российской когнитивной лингвистике выделяются два основных подхода: лингвокогнитивный и лингвокультурный. На наш взгляд, лингвокультурный подход отличается тем, что больше внимания уделяет национальной специфике представления структур знаний, акцентируя лингвокультурные различия. В данном исследовании нас интересует семантико-когнитивный потенциал русских и шведских компаративных фразеологизмов и паремий компаративной структуры тематической группы, вербализующих оппозицию «ум — глупость». При этом объектом внимания являются как общие ментальные механизмы, так и культурно обусловленные. Цель статьи — выявить общие и культурно-специфические ментальные установки и эталоны сравнения для русских и шведских устойчивых выражений компаративной структуры. Материалом исследования послужили словари устойчивых сравнений русского языка [2; 3], сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля [34], фразеологический словарь шведского языка [35], словари пословиц шведского языка [36; 37], результаты анкетирования носителей языка. В исследовании используются методы сплошной и направленной выборки материала, лингвокогнитивного и сопоставительного анализа.

Материалы и результаты исследования

Устойчивые сравнения русского и шведского языков

УС русского языка характеризуют умного и глупого человека, при этом количественно преобладают сравнения, характеризующие глупого человека.

Можно выделить следующие тематические группы эталонов русских УС, характеризующих глупого человека: зоонимы и их части — *баран, гусь, сивый мерин, осел, индейский петух, осетровая башка*; наименования бытовых реалий — *лапоть, (сибирский) валенок, штопор, пробка, сибирский туес*; лексика,

номинирующая дерево и разные его части (фитонимы) — *бревно, полено, пень, чурбан (чурбак, чурка), дуб* и соматизмы: *пятка и бабий пуп*.

Опрос носителей русского языка выявил также и другие эталоны из сферы бытовой лексики, не зафиксированные словарями: *матрёшка* и *табуретка*. Информанты отметили, что данные эталоны употребляются только применительно к женщине.

Результаты анкетирования позволили выделить еще одну группу УС, не зафиксированную словарями, с эталонами-наименованиями лиц: *глупый как неандерталец, глупа как блондинка и глупый как младенец*.

УС, характеризующих умного, мудрого человека, немного: *умный как бес; умный как черт; умный как дьявол; мудрый как змий/змея; мудрый как Соломон*. Эталоны этих сравнений представляют собой мифологемы и имя собственное — библеизм, восходящие к христианской религии.

В шведском языке глупого, примитивного, интеллектуально ограниченного человека характеризуют следующие УС: *ngn är dum som en gås* (кто-л. глупый как гусь), *ngn är dum som ett/en spån* (кто-л. глупый как опилки), *ngn är lika dum som gud är vis* (кто-л. настолько глупый, насколько Бог мудрый), *ngn är dum som en flundra* (кто-л. глупый как камбала), *ngn är dum som en kalv* (кто-л. глупый как теленок), *ngn är dum som en ko* (кто-л. глупый как корова), *ngn är menlös som en duva* (кто-л. глупый как голубь), *ngn är trög som en oxe* (кто-л. медленно думающий как бык).

Эталоны шведских УС, дающих характеристику глупому человеку, распределяются по следующим тематическим группам: зоонимы: *гусь, камбала, теленок, корова, голубь, бык* и наименования бытовых реалий: *опилки*.

УС, характеризующих очень умного, мудрого человека, в шведском языке, как и в русском, немного: *ngn är klok som en pudel* (кто-л. умный как пудель), *ngn är klok som en uggle* (кто-л. умный (мудрый) как сова), *ngn är klok som en ort* (кто-л. умный как змея). Все эталоны данной идеографической группы представляют собой зоонимы.

Таким образом, общими, наиболее универсальными эталонами для двух языков являются зоонимы. Национальная специфика проявляется в конкретных реалиях, выбираемых в качестве эталонов сравнения.

Паремии русского и шведского языков

Паремии компаративной структуры тематической группы «Ум — Глупость» в русском и в шведском языках можно разделить на те, в которых сравнение выражено эксплицитно — союзом, сравнительной степенью прилагательного или наречия, и имплицитно — логическими приемами противопоставления, тождества и др.

Сравнения в русских паремиях

1. Среди паремий, вербализующих оппозицию «ум — глупость», собранных В.И. Далем, выделяются единицы, близкие по структуре к УС, но имеющие в своем составе союз «что»: например, *недозрелый умок, что вешний ледок*. Эти единицы характеризуют в том числе и слишком простого или прямого человека, такие свойства личности приравниваются народной мудростью к глупости: *прямой, что дурной (глупый); проста, что с большого ума; мужик простой*

как кисель густой. Обращает на себя внимание ироническая единица: *умница — как попова (как пестрая курица)*.

2. УС могут быть включены в состав паремии как ее первая часть, смысл сравнения поясняется во второй части паремии: *Умный, что староста губный: всяк его боится; Малый, что глупый: что видит, то и бредит; Дума, что борода: лишняя тягота; Дурак, что мутовка: куда ни поверни, а сук наперед; Дурак, что мутовка: куда выросла рогуля, туда и торчит*. См. также ироническую паремию: *Умен, как поп Семен: книги продал, а карты купил*. Ментальными установками данных паремий являются следующие: умных людей опасаются; глупый человек, как маленький ребенок, говорит то, что думает; мысли отягощают; глупого человека сразу видно.

3. Паремии с союзом «что», вербализующие идею о том, что глупого человека (дурака) учить бесполезно: *Дурака учить — что мертвого лечить; Дурака учить, что на воде писать*; с инверсией: *Что в утлый мех воду лить, то безумного уму-разуму учить*. Эта идея может быть выражена и путем противопоставления: *Дырявого меха не надуть, а безумного не научить*. Ср. эту же ментальную установку, выраженную бессоюзным способом: *Неразумного учить — в бездонную кадку воду лить; Дурака учить (с дураком говорить) — решетом воду носить*. Та же идея может быть выражена и путем отождествления двух разных ситуаций: *Тупо сковано — не наточишь; глупо рожено — не научишь*.

4. Паремии с противительным союзом «а» («да»). Это самый объемный разряд единиц в русском материале. По данной модели построены паремии, противопоставляющие глупого и умного человека: *Глупый киснет, а умный все промыслит; Глупый осудит, а умный рассудит; Умный на суд не ходит, а дурень с суда не сходит; Глупый ищет большого места, а умного и в углу знает; Умный любит учиться, а дурак учить, Умный плачет, а глупый скачет* и др. Противопоставляются (сравниваются) также размер частей тела (прежде всего головы) и количество ума: *Голова с пивной котел, а ума (мозгу) ни ложки; Голова с лукошко, а мозгу ни крошки; Мозговина (голова) с короб, а ума с орех; Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего; Лоб широк, да мозгу мало*. Ср. также: *Нос с локоть, а ума с ноготь*. Наличие растительности (на голове и на лице у мужчины) и наличие ума: *На голове густо, а в голове пусто; Под носом взросло, а в голове и не посеяно; Борода выросла, а ума не вынесла; Борода с ворота, а ума с прикалиток нет; Борода с воз, а ума с накопильник нету*. Возраст человека и его интеллектуальные способности: *Летами ушел, а умом не дошел; Вырасти вырос, а ума не вынес; С лешего (с черта) вырос, а ума-то не вынес; До лысины дожил, а ума не нажил; До сумета (могилы) дожил, а ума не нажил; Во всех годах, да не во всех умах*. Возможна и обратная ситуация: *Стар годами, да молод умом*. Поведение дома и вне дома: *Дома пан, а в людях болван; Дома не так, а в людях дурак*. Выделяются гендерно ориентированные паремии, негативно характеризующие женщин: *Личико беленько, да ума маленько; Собой-то краля, а умом-то фаля; Волос долог, да ум короток (у бабы); Волосу многонько, а разуму маленько*. В этих единицах противопоставляются красивая внешность, длинные волосы, белый цвет лица, с одной стороны, и не-

достаток ума, с другой. Кроме того, паремии подчеркивают, что наличие ума не обуславливает наличие достатка: *Умен, да карман не ядрен; Разуму много, да денег нет*. Но наличествует и противоположная установка: *Нет в голове, нет и в мошне*.

5. Бессоюзное противопоставление с биномом *умен — глуп*. Данная структура свойственна гендерно ориентированным пословицам, касающимся мужчин в ситуации употребления алкогольных напитков: *Мужик умен — пить волен; мужик глуп — пропьет и тулуп; Пьян да умен, два угодьа в нем; пьян да глуп, больше бьют*.

6. Паремии, построенные по модели: «без чего-либо что-либо — что-либо»: *Без ума голова — шельга* (или: *шебала*); *Без ума голова — пивной котел* (*кочка, лукошко* и пр.). В данном случае присутствует свернутое сравнение (метафора).

7. Паремии, построенные по модели «с умом осуществлять положительно оцениваемое действие, без ума — отрицательно оцениваемое»: *С умом торговать, без ума горевать; Без ума суму таскать, а с умом деньги считать; С умом собину нажить, а без ума все растерять; С умом суму кроить, а без ума — только кожу травить; С умом пьют, а без ума и трезвых бьют*. Но нужно отметить, что данная ментальная установка амбивалентна, ср., например: *С умом жить — мучиться, а без ума жить — тешиться*.

Таким образом, в русских паремиях компаративной структуры могут эксплицитно присутствовать сравнения: самостоятельно, как отдельный разряд паремийных единиц; и как первая часть паремии, вторая часть которой разъясняет первую. В паремиях, как и в УС, глупого человека сравнивают с ребенком (младенцем). Если в современных УС русского языка эталоном глупости является блондинка, то в паремиях в уме отказывают женскому полу в целом, всем, кто имеет белый цвет лица, красив собой и носит длинные волосы. Как и в составе русских УС, так и в составе паремий имеются иронические единицы, план выражения которых антонимичен плану содержания: *умница — как попова (как пестрая курица); Умен, как поп Семен: книги продал, а карты купил*.

В русских паремиях выражаются такие ментальные установки, как то, что слишком прямой и простой человек — глуп; умных людей опасаются; глупый человек, как маленький ребенок, говорит то, что думает; мысли отягощают; глупого человека сразу видно; глупого от природы человека учить бесполезно. Взрослый (и пожилой) возраст, признаками которого являются борода, усы, лысина, не гарантирует наличия ума. Наличие ума, в свою очередь, не является гарантией материального достатка. Однако некоторые ментальные установки в русских паремиях амбивалентны. Ум измеряется в русской пословичной картине мира количественно, мерой служат ложка, орех, ноготь, крошка. Голова является вместилищем ума. Метафорически эта часть тела отождествляется с пивным котлом, кочкой, лукошком и т.п.

Сравнения в шведских паремиях

Единицы, полученные путем выборки материала из словарей шведских пословиц, можно разделить на следующие группы.

1. Наиболее объемную группу составляют паремии, построенные по модели "Bättre ngt än ngt" («Лучше что-то, чем что-то»): *Bättre ett kvintin lycka än ett*

skålpund vett (Лучше квинтин счастья, чем фунт разума), *Ett kvintin förnuft är bättre än en centner lärdom* (Квинтин разума лучше, чем центнер учености), *Bättre förtänksam än efterklok* («Лучше осторожный, чем задним умом крепкий»), *Bättre låna sina kläder till en dåre än till en naken (dåren förkastar dem, den nakne behåller dem)* (Лучше одолжить свою одежду дураку, чем голому (глупый откажется, голый возьмет)), *Bättre olärd och klok än lärd och en tok* (Лучше неученый и умный, чем ученый и дурак), *Bättre tadlas av en klok än smickras av en tok* (Лучше слышать упреки умного, чем лесть дурака), *Bättre vis dåre än dåraktig vis* (Лучше мудрый дурак, чем глупый мудрец). С точки зрения ментальных установок в этой группе паремий, безусловно, прослеживается утверждение превосходства умного над глупым путем их прямого сравнения, однако особо подчеркивается необходимость наличия у человека настоящего ума и разума, а не показного, и не формальной учености. Однако даже настоящие ум и разум уступают в ценностной градации счастью. В пословице, выражающей данную установку, в качестве образных средств сравнения используются старинные меры веса в Швеции — квинтин (3,3 г) и фунт (0,4 кг).

2. В отдельную группу можно выделить компаративные паремии, построенные с помощью сравнительных степеней прилагательных и наречий: *En dåre kan fråga mer än tio visa kan svara* (Один дурак может задать вопросов больше, чем десять мудрецов могут ответить), *Lättare döljer en vis sin visdom än en dåre sin dårskap* (Легче мудрецу скрыть свою мудрость, чем дураку свою глупость), *Att erkänna sina dårskaper är svårare än att göra dem* (Признать свои глупости сложнее, чем делать их), *Många kloka ord säges på skämt och ändå flera dumheter på allvar* (Много умных слов говорится в шутку, но еще больше глупостей всерьез). В данных паремиях акцент делается на невозможности глупого человека скрыть свою глупость, а также на его неспособности ее признать.

3. Паремии, основанные на конструкции «Что-то — это что-то»: *Dårar är de visas spegel* (Дураки — зеркало умных), *Andras dårskap är den klokes visdom* (Глупость других — мудрость умного), *Inbillad klokhet är dårskap* (Воображаемый ум — это глупость). Сравнение представлено здесь в виде прямого отождествления. Основной идеей, выражаемой единицами данного разряда, является определенная взаимосвязанность ума и глупости, умных и глупых, амбивалентность ума и глупости.

4. Паремии, противопоставляющие ум, разум и глупость другим чувствам и состояниям: *Dumhet och stolthet växer på samma träd* (Глупость и гордость растут на одном дереве), *Liten förstånd stor lycka* (Маленький разум, большое счастье), *Klokhet övervinner styrka* (Ум побеждает силу), *Där förståndet slutar, tar hatet vid* (Где заканчивается разум, начинается ненависть). В данных паремиях сравнение присутствует имплицитно, не имея формального выражения. Здесь наблюдается двойственность установок, весьма характерная для пословиц — с одной стороны, ум побеждает силу, но с другой стороны, человек, знающий и понимающий мало, может быть счастливее других.

5. Паремии, подчеркивающие исключительность кого-либо в сравнении со всеми остальными: *Ingen är så klok som en gammal elefanthona* (Никто так не умен, как старая слониха), *Bättre börda bär ingen med sig än mycket mannavett*

(Никто не несет лучшего груза, чем жизненная мудрость). Первая из названных единиц, очевидно, является шутливой, что отчасти подчеркивается таким нетипичным для шведского языкового сознания эталоном сравнения, как *старая слониха*. Вторая единица пришла в шведский язык из Старшей Эдды — одного из самых известных памятников древнеисландской литературы, являющегося общескандинавским культурным достоянием. В песне под названием «Речи Высокого» говорится: ”því at óbrigðra vin fær maðr aldregi en mannvit mikit” (Ибо нет на земле надежнее друга, чем мудрость житейская — пер. А.И. Корзуна).

6. Определенное сходство с русскими аналогами, как по структуре, так и по значению, обнаруживают поговорки, имеющие в составе соматизмы: *Förståndet sitter i huvudet och inte i skägget* (Разум сидит в голове, а не в бороде), *Klok huvud gör trång mun* (Умная голова делает рот узким). Первая из названных единиц подчеркивает ту же установку, что и такие русские единицы, как *Борода выросла, а ума не вынесла; Борода с ворота, а ума с прикалиток нет; Борода с воз, а ума с накопильник нету*. Однако данная группа является очень малочисленной по сравнению с аналогичной группой русских поговорок. Следует отметить, что в шведских единицах отсутствует какая-либо гендерная маркированность паремий рассматриваемого разряда.

Среди проанализированных шведских поговорок можно выделить только одну единицу, имеющую прямую связь по структуре и значению с устойчивыми сравнениями: *Så är att giva dårar råd som att slå vatten på en gås* (Давать дуракам советы — как поливать водой гуся). В шведском языке имеется УС *ngt är som att hålla vatten på en gås* (что-л. как лить воду на гуся) со значением «не получать никакой реакции от объекта воздействия». Представляется, что этот образ, весьма распространенный в языке и имеющий общеизвестный русский аналог *как с гуся вода*, используется и в поговорке, и в УС для выражения общего значения бессмысленности действия.

Выводы и обобщения

Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что для УС обоих языков универсальной и самой многочисленной тематической группой эталонов сравнения являются зоонимы. Можно предположить, что веками наблюдая за домашними животными, такими, например, как бык и осел, люди видели, сколько им приходится трудиться. Отсюда формировался стереотип: все, что превышает норму, ничем не компенсируется, является глупым. Наименования домашних птиц — гусь, индюк и др. в качестве эталонов глупости мотивированы, вероятно, представлением о том, что эти птицы живут, питаются, ни о чем не думают и не знают, что в скором будущем послужат пищей для людей. Мотивированными можно считать УС с эталонами-наименованиями неодушевленных объектов в целом (все хозяйственно-бытовые реалии по определению лишены ума, как свойства, присущего субъектам, выраженным одушевленными существительными). Для русских в целом очень типичным является выбор «деревянной» тематики эталонов УС. Интересно, что если эталонами умного (мудрого) человека в русском языке являются мифологемы и имя исторического персонажа, восходящее к Библии, то для шведского языкового сознания — это такие живот-

ные, как сова (в русской культуре эта птица тоже является символом мудрости, но эталоном УС ее наименование не стало), змея и название породы собак — пудель. Опрос носителей шведского языка показал, что владельцы собак, действительно, считают пуделей умными животными. Кроме того, в русском языке существуют иронические УС, значение которых антонимично основанию сравнения, например *вумный как утка*, т.е. «очень глупый». На выбор эталона сравнения влияют такие факторы, как традиционная бытовая культура, география страны (не случайно выбираются разные животные — *камбала* или *индейский петух*, например).

Шведские компаративные паремии, вербализующие рассматриваемую оппозицию, отличаются от русских по своей структуре. Сравнение в шведских паремиях почти не выражается с помощью сравнительного союза *som* (как). В большинстве паремий сравнения формально выражаются сравнительной степенью прилагательного в сочетании с союзом *än* (чем). Однако, как и в русском языке, эксплицитная представленность сравнения в шведских паремиях также имеет место. В русских и шведских паремиях рассматриваемого разряда совпадают такие ментальные установки, как то, что глупый человек резко выделяется на общем фоне в худшую сторону, возраст не гарантирует наличие ума, а также двойственность, присутствующая в оценке ума.

В русском языке обнаруживается более тесная связь УС и компаративных паремий, чем в шведском, как в структуре, так и в ментальных установках и в эталонах сравнения. В русских паремиях, как и в УС, присутствуют наименования хозяйственно-бытовых реалий (*кисель, мутовка, мех, кадка, решето, пивной котел, лукошко, короб, тулуп, прикалиток* и др.), не представленные в шведских паремиях. В шведских же единицах центральное место занимает логико-философское сопоставление ума и глупости, дурака и мудреца, их характеристик и совершаемых ими действий. В качестве национально-специфичных компонентов паремий в шведском языке выступают наименования старинных мер веса, прослеживается влияние древнескандинавской литературной традиции.

Результаты исследования можно использовать в практике преподавания русского и шведского языков в иноязычной аудитории, при чтении лекционных курсов по лингвокультурологии и страноведению, а также при составлении фразеологических словарей.

Библиографический список

1. *Солодухо Э.М.* Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп). Казань, 1989.
2. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2001.
3. *Мокиенко В.М.* Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
5. *Sköldberg E.* Bland nötkärnor, fyrbåkar och skällade råttor. Om konventionaliserade liknelser i svenskan // *Meijerbergs arkiv för svensk ordforskning. Festskrift till Bo Ralph.* Göteborg, 2010. P. 363—371.
6. *Лебедева Л.А.* Введение // *Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь.* Краснодар, 2003. С. 3—11.

7. *Русова Н.Ю.* От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М., 2004.
8. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1980.
9. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М., 1986.
10. *Мокиенко В.М.* Аспекты исследования славянской паремиологии // *Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной.* М., 2015. С. 4—25.
11. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. no 3. С. 34—41.
12. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
13. *Бредис М.А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб., 2019.
14. *Мокиенко, В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
15. *Алёшин А.С., Зиновьева Е.И.* Концепт «Сравнение» и его вербализация в паремиях (на материале русского и шведского языков) // *Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей.* Гомель, 2019. С. 107—110.
16. *Sköldberg E.* Arvet efter Grubb. Om struktur och innehåll i svenska ordspråkssamlingar genom tiderna // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. P. 121—145.
17. *Andersson D.* Dagens ordspråksforskning — och framtiden. En diskussion med utgångspunkt i Proverbium 2007 —2011 // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. P. 33—45.
18. *Hakamies P.* Ordspråk som strukturerad kunskap. Ett kognitivt perspektiv // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. P. 69—79.
19. *Haraldsson H.* Ordspråk, andre idiommer och bevingede ord. Ordspråkskategoriernes flytende grenser // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. S. 79—87.
20. *Zhukov K.* Ryska och svenska ordspråk som språkliga enheter och som representanter för kultur // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. P. 145—151.
21. *Балонкина О.В.* Лингвокультурная значимость имени первостихии вода в составе русских и английских фразеологизмов // *Вестник. Томского гос. университета.* 2017. no 423. С. 5—14. DOI: 10.17223/15617793/423/1.
22. *Диас Ферреро А.М., Керо Хервилья Э.Ф.* Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // *Вестник. Томского гос. университета. Филология.* 2018. no 54. С. 42—58.
23. *Кузнецова И.В.* Biblical phraseology and language game // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 2012. no 57(1). С. 127—141. DOI: 10.1556/SSlav.57.2012.1.7.
24. *Кузнецова И.В.* Персонажи Книги книг в сравнениях белорусов и украинцев (на фоне других языков) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 2016. no 61(2). С. 345—361. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.7.
25. *Кулик А.Э.* Национально-культурная специфика русских и корейских устойчивых сравнений // *Русский язык за рубежом.* 2012. no 5. С. 58—64.
26. *Kovzele O., Korolova J.* Comparisons with the component designating human's profession and occupation (based on Latvian and Russian material) // *4-th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018.* 24—30 August. Albena, 2017. С. 645—643.
27. *Бредис М.А.* Бережливость и скупость в паремиях (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2016. no 1. С. 131—138.

28. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне украинского и русского языков // Русин. 2016. по 3 (45). С. 119—128. DOI: 10.17223/18572685/45/9.
29. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне русского и украинского языков) // Русин. 2018. по 4 (54). С. 303—317. DOI: 7223/15617793/447/7.
30. Ма Сяньфэй. Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках (на примере устойчивых выражений) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. по 4. С. 128—135.
31. Нелюбова Н.Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. 2019. Вып. 6. С. 50—59. DOI: 10.20339 / PhS.6–19/050.
32. Николаева Е.И., Селиверстова Е.И. Представление о крепком сне в славянских языках (на материале устойчивых сравнений) // *Studia Slavica*. Budapest, 2016. P. 325—343. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.6.
33. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. по 1. С. 6—17.
34. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник в двух томах. Т. 1. М., 1984.
35. *Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser*. Stockholm: Norstedts, 2003.
36. *Holm P. Ordspråk och talesätt med förklaringar*. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1971.
37. *Åberg G. Ordspråk, ordstäv och talesätt*. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1997.

References

1. Soloduhu, E.M. (1989). *Theory of phraseological convergence: a study of sources from the languages of the Slavic, Germanic and Romance groups*. Kazan. (In Russ.).
2. Ogol'tsev, V.M. (2001). *Dictionary of steady comparisons of the Russian language*. Moscow: AST, Astrel, Russian Dictionaries. (In Russ.).
3. Mokienko, V.M. (2003). *Dictionary of comparisons of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
4. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow. (In Russ.).
5. Sköldberg, E. (2010). Bland nötkärnor, fyrbåkar och skällade råttor. Om konventionaliserade liknelser i svenskan In *Meijerbergs arkiv för svensk ordforskning. Festskrift till Bo Ralph*. Göteborg. pp. 363—371. (In Swedish).
6. Lebedeva, L.A. (2003). Introduction In *Sustainable comparisons of the Russian language: A brief thematic dictionary*. Krasnodar. pp. 3—11. (In Russ.).
7. Rusova, N.I. (2004). From allegory to iamb: a terminological dictionary of thesaurus on literary criticism. Moscow. (In Russ.).
8. Mokienko, V.M. (1980). *Slavic phraseology*. Moscow. (In Russ.).
9. Zhukov, V.P. (1986). *Russian phraseology*. Moscow. (In Russ.).
10. Mokienko, V.M. (2015). Aspects of the study of Slavic paremiology In *Paremiology in discourse. General and applied issues of paremiology. The proverb in discourse and in text. The proverb and language picture of the world*, O.V. Lomakina (Ed.). Moscow. pp. 4—25. (In Russ.).
11. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). The proverb in modern linguistics: definition, status, functioning, *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 3, 34—41. (In Russ.).
12. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (2008). Aspects of the theory of phraseology. Moscow. (In Russ.).
13. Bredis, M.A. (2019). *Man and money: Essays on Russian proverbs and more*. St Petersburg. (In Russ.).
14. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs*. Moscow. (In Russ.).

15. Aleshin, A.S. & Zinovieva, E.I. (2019). The concept of comparison and its verbalization in paremias: a study of the Russian and Swedish languages). In *Slavic linguistic cultures in the spatial and temporal continuum: a collection of academic articles*. Gomel. pp. 107—110. (In Russ.).
16. Sköldberg, E. (2011). Arvet efter Grubb. Om struktur och innehåll i svenska ordspråks-samlingar genom tiderna In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 121—145. (In Swedish).
17. Andersson, D. (2014). Dagens ordspråksforskning — och framtiden. En diskussion med utgångspunkt i Proverbium 2007—2011 In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 33—45. (In Swedish).
18. Hakamies, P. (2014). Ordspråk som strukturerad kunskap. Ett kognitivt perspektiv In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 69—79. (In Swedish).
19. Haraldsson, H. (2014). Ordspråk, andre idiomer och bevingede ord. Ordspråkskategoriernes flytende grenser In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 79—87. (In Swedish).
20. Zhukov, K. (2014). Ryska och svenska ordspråk som språkliga enheter och som representanter för kultur In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 145—151. (In Swedish).
21. Balonkina, O.V. (2017). Linguocultural significance of the name of the primordial element ‘water’ as part of Russian and English phraseological units, *Tomsk State University Journal*, 423, 5—14. DOI: 10.17223 / 15617793/423/1. (In Russ.).
22. Diaz Ferrero, A.M. & Kero Hervilla, E.F. (2018). Analysis of paremias expressing a negative assessment of women in Russian and Portuguese, *Tomsk State University Journal. Philology*, 54, 42—58. (In Russ.).
23. Kuznetsova, I.V. (2012). Biblical phraseology and the language game, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 57 (1), 127—141. DOI: 10.1556 / SSlav.57.2012.1.7. (In Russ.).
24. Kuznetsova, I.V. (2016). Characters Books of books in comparisons of Belarusians and Ukrainians: a study ackground of other languages, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 61(2), 345—361. DOI: 10.1556 / 060.2016.61.2.7. (In Russ.).
25. Kulik, A.E. (2012). Cultural specifics of Russian and Korean fixed comparisons, *Russian Language Abroad*, 5, 58—64. (In Russ.).
26. Kovzele, O. & Korolova, J. (2017). Comparisons with the component designating human profession and occupation: a case study of Latvian and Russian In *The 4th International multi-disciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018. 24—30 August*. Albena. pp. 645—643.
27. Bredis, M.A. (2016). Frugality and Covetousness in Proverbs (based on Russian, Latvian, German, English and Tadjik), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 7(1), 131—138. (In Russ.).
28. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). The cognitive potential of Ruthenian paremias in the Ukrainian and Russian languages, *Rusin*, 3(45), 119—128. DOI: 10.17223 / 18572685/45/9. (In Russ.).
29. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of Ruthenian paremiology: a comparative study of Russian and Ukrainian, *Rusin*, 4 (54), 303—317. DOI 7223/15617793/447/7. (In Russ.).
30. Ma, Xiangfei. (2017). Verbalization of stereotypical ideas about rain in Russian and Chinese: a case study of set phrases, *Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity*, 4, 128—135. (In Russ.).
31. Nelyubova, N.I. (2019). Family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world, *Philological Sciences*, 6, 50—59. DOI: 10.20339 / PhS.6 - 19/050. (In Russ.).

32. Nikolaeva, E.I. & Seliverstova, E.I. (2016). The idea of good sleep in Slavic languages: a case study of fixed comparisons // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 61(2), 325—343. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.6. (In Russ.).
33. Kubryakova, E.S. (2004). On the precepts of cognitive science and current issues in cognitive linguistics, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 6—17. (In Russ.).
34. Dal, V.I. (1984). Proverbs of the Russian people, in two volumes. Vol. 1. Moscow. (In Russ.).
35. Svenskt språkbruk. (2003). Ordbok över konstruktioner och fraser. Stockholm: Norstedts. (In Swedish).
36. Holm, P. (1971). Ordspråk och talesätt med förklaringar. Stockholm: Albert Bonniers förlag. (In Swedish).
37. Åberg, G. (1997). Ordspråk, ordstäv och talesätt. Stockholm: Albert Bonniers förlag. (In Swedish).

Сведения об авторах:

Алёшин Алексей Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»; *научные интересы*: лексикология и фразеология шведского языка, фразеография, лингвокультурология; e-mail: alexis001@mail.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0001-6058-8844. eLIBRARY SPIN-код: 4983-8447

Зиновьева Елена Иннокентьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»; *научные интересы*: лексикология и фразеология современного русского языка, историческая лексикология и фразеология русского языка, лексикография, лингвокультурология; e-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru Идентификатор ORCID: 0000-0001-6253-9739. eLIBRARY SPIN-код: 9059-2243

Information about the authors:

Alexey S. Alyoshin, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications”. *Research interests*: Swedish lexicology and phraseology, phraseography, linguoculturology; e-mail: alexis001@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6058-8844. eLIBRARY SPIN-code: 4983-8447.

Elena I. Zinovieva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its Teaching, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg State University”. *Research interests*: lexicology and phraseology of the modern Russian language, historical lexicology and phraseology of the Russian language, lexicography, linguoculturology; e-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6253-9739. eLIBRARY SPIN-code: 9059-2243.